

Его с детства никто не воспитывал, Су Цяо был альфой, и никто не объяснил ему базовых физиологических знаний. Он думал, что все метки такие болезненные, и терпел, хмурясь. Но вскоре понял, что что-то не так: в том самом невыразимом месте возникло невыразимое странное ощущение.

Немного поразмыслив, его лицо и уши покраснели ещё сильнее.

— Братец...

— Это...

— Ты...

Фу Бая вернул к реальности его возглас «братец». Он с недоумением посмотрел на него.

Су Цзяньцю, опустив голову, сказал:

— Подай мне салфетку...

Голос был тихий и слабый.

Фу Бай опешил. С чего это он стесняется попросить салфетку? Механически потянулся к столику рядом, вытащил несколько салфеток и протянул ему.

Су Цзяньцю взял салфетки, полностью закутался в одеяло, стянул пижамные штаны и на ощупь начал вытираться. Подумал: тело чистенькое, значит, Фу Бай вчера помыл его. Почему же не вымыл это место? Наверное, постеснялся?

Фу Бай смотрел, как под одеялом что-то шевелится, непонятно, что он там делает, и спросил:

— Что случилось?

Су Цзяньцю не ответил, закончил вытираться, выбрался из-под одеяла, лицо его пылало ещё сильнее, а использованные салфетки не знал, куда деть.

Фу Бай тут же взял их у него. На салфетках остались молочно-белые следы, и он вдруг вспомнил, зачем вообще зашёл.

— Это... — Фу Баю тоже стало неловко, в основном из-за чувства вины. Он посмотрел на Су Цзяньцю. — Вчера врач вставил тебе лечебную свечку. Наверное, она растаяла.

На лице Су Цзяньцю вспыхнули багровые пятна.

Он всё не так понял. Он думал, что это...

Неудивительно, что было ощущение инородного тела. Думал, это орудие преступления Фу Бая такое большое, что последствия остались... Оказывается, всю ночь там была свечка...

Фу Бай явно видел, как тело Су Цзяньцю напряглось.

Вспомнив своё вчерашнее поведение и то, что он травмировал Су Цзяньцю, он решил, что Су Цзяньцю рассердился.

Он сжал в руке использованные салфетки. Хотя Су Цзяньцю, кажется, не хотел с ним

разговаривать, он не мог просто так его оставить. Главное — свечка растаяла, нужно вставить новую.

— Врач сказал, что когда свечка растает, нужно вставить новую, — Фу Бай внутренне убеждал себя научиться быть понахальней, альфе не стоит быть слишком щепетильным. — Я помогу тебе её вставить.

Су Цзяньцю в тот миг захотелось никогда не просыпаться. Слишком уж унизительно.

— Я... я сам.

Он протянул руку, чтобы взять свечу, пальцы коснулись тёплой ладони Фу Бая.

Фу Бай зажал свечу в руке, не отдавая:

— Ты сам не сможешь.

Нужно вставить глубоко.

Су Цзяньцю действительно было бы неудобно делать это самому.

Фу Бай нахмурился. Су Цзяньцю явно не хотел, чтобы он снова к нему прикасался.

— Может, позову врача...

— Нет! — Су Цзяньцю в панике схватил его за руку. — Не зови.

Он опустил голову, прикусил губу.

— Помоги мне...

Голос омеги был мягким, концовка фразы почти неслышной, несколько тонких пальцев слабо цеплялись за рукав Фу Бая.

Фу Бай почувствовал, как его сердце слегка ёкнуло.

— Хорошо, никого не позову, я помогу.

Фу Бай погладил его по голове и повернулся, чтобы пойти в ванную помыть руки.

Когда он вернулся, Су Цзяньцю уже откинул одеяло и стягивал штаны.

Фу Бай вставил ему свечу.

* * *

Именно такую сцену увидела служанка, когда вошла с завтраком: госпожа лежит на кровати в унизительной позе, господин склонился над непотребным местом, а госпожа кричит от боли...

Фу Бай, услышав, что кто-то вошёл, повернул голову.

— Простите, господин! Я... я сейчас выйду...

Служанка с подносом бросилась бежать, но на полпути вернулась, чтобы закрыть за собой дверь.

— Продолжайте, пожалуйста...

Что такое «продолжайте»? Я же просто лекарство вставляю!

Фу Бай протянул руку, хотел позвать её с завтраком, но догадливая служанка уже сбежала.

Су Цзяньцю, рыдая, натянул штаны, покраснев, закутался в одеяло.

Он уже испытывал страх перед будущей жизнью, считая, что занятие любовью — это нечто постыдное и мучительное. Но всё это было его собственным выбором, никто не заставлял его продавать себя Фу Баю. Он не хотел, чтобы Фу Бай считал его капризным, но тело не выдерживало боли, и слёзы сами лились из глаз. И он сам себе стал противен.

Фу Бай помыл руки, вернулся и увидел, как его плечи слегка подрагивают. Ему стало очень жаль. Тот проход, толщиной со стержень шариковой ручки, сильно опух, и вставить туда свечку, конечно, было неприятно. Если бы не его вчерашняя импульсивность, Су Цзяньцю не пришлось бы терпеть эти мучения.

— Прости.

Он прижал Су Цзяньцю к груди, нежно похлопывая по спине:

— Это я виноват, что причинил тебе такую боль. Впредь обязательно исправлюсь. Или ты меня накажи, как хочешь, хорошо?

Су Цзяньцю не верил его словам.

Словам альфы в постели верить нельзя.

Фу Бай обычно казался человеком со спокойным характером, но внутри всё было не так. В тот раз с временной меткой тоже, и вчера тоже — Су Цзяньцю разглядел, что этот человек жесток. Если в будущем его разозлить, неизвестно, какие страдания ждут.

Он дрожал в объятиях Фу Бая, всхлипывая, и чем больше думал, тем обиднее становилось. Сквозь слёзы он сказал:

— Ты в следующий раз можешь быть помягче... Вчера ты сделал мне очень больно, правда, очень больно...

— Ладно, обещаю, впредь буду нежным.

Фу Бай согласился бы не на одну просьбу, а на сто.

Лишь бы Су Цзяньцю не плакал, он был готов на всё.

— Господин, завтрак разогрели, подавать?

На этот раз служанка действительно проявила такт, почтительно постучав в дверь.

— Заноси.

Фу Бай сказал Су Цзяньцю:

— Хочешь умыться и почистить зубы? Я отнесу тебя в ванную.

— Угу. — Су Цзяньцю кивнул и, не меняя позы в объятиях Фу Бая, обвил его шею одной рукой.

Фу Бай нёс его осторожно, боясь причинить боль. В ванной он хотел поставить его на пол, но тут вспомнил, что забыл надеть на Су Цзяньцю тапочки.

— Встань на мои ноги. — Фу Бай поставил Су Цзяньцю перед собой, чтобы тот встал ногами на его ступни, а сам обнял его сзади за талию, чтобы тот не упал.

Они стояли слишком близко. Су Цзяньцю был на голову ниже Фу Бая, его спина прижималась к груди Фу Бая, и он даже чувствовал биение его сердца. Рука Фу Бая лежала на его талии — точно так же, как вчера в постели.

Су Цзяньцю, краснея, выдавил зубную пасту, краснея, почистил зубы, не смея поднять взгляд на отражение в зеркале. Из-за сильного психологического давления он обычно чистил зубы пять минут, сегодня справился за две, торопливо умылся и собрался уходить.

— Лицо ещё не вытер.

Фу Бай взял с полочки полотенце, наклонился и вытер капли воды с его лица.

Кожа у Су Цзяньцю была хорошая, нежная и гладкая, как очищенное яйцо. И внешность у него была прекрасная: слегка приподнятые глаза-персики, когда улыбался — полные очарования, нос тонкий и прямой, изящный и аккуратный, даже губы — ни тонкие, ни толстые, нежно-розовые.

Фу Бай не удержался, после вытирания ущипнул его за щёку.

Затем, обхватив его за талию, приподнял и, поддерживая под ягодицы, перенёс обратно на кровать, словно это был фарфоровый куколка.

Завтрак, согласно указаниям домашнего врача, был лёгким: суп из морепродуктов с несколькими закусками. Блюда обеспечивали достаточное питание, но не создавали нагрузки на пищеварение омеги в период течки. Кухня семьи Фу получила строгий наказ от господина Фу: всё в первую очередь для омеги в доме.

Су Цзяньцю смотрел на суп перед ним с неохотой. Вообще-то он был привередлив в еде, три приёма пищи в день для него были рутиной. Особенно он не любил кашу, и причина была проста: в детском доме он плохо питался, испортил желудок, а потом Су Цяо, изощряясь, готовил ему кашу, уговаривал, заставлял есть, хотел вылечить желудок. Ел он её много лет, желудок не поправил, а к каше просто пресытился.

Он взял ложку и лениво помешивал ею в миске. На кухне постарались, ингредиентов положили щедро: мелко нарезанные креветки, морской огурец, смешанные с белым паром, распространяли в воздухе аромат, но не вызывали у него аппетита.

Фу Бай, наблюдавший за ним, нахмурился.

Фу Бай знал, что Су Цзяньцю привередничает в еде, но не понимал, почему с едой могут быть такие сложности.

В семье Фу привередничать в еде было недопустимо.

Что делать, если ребёнок привередничает в еде?

Отлупить — и всё пройдёт.

В детстве Мужун Ли тоже привередничал, не раз получал за это, и в итоге исправился.

Фу Бай не хотел потакать дурным привычкам Су Цзяньцю, был полон решимости их искоренить, но на деле принимал довольно мягкие меры: например, просил кухню разнообразить меню или сам следил, чтобы Су Цзяньцю поел.

<http://bllate.org/book/15452/1370827>